

Богатства ему были ни к чему — хватало и скромных сбережений на жизнь.

Для человека, посвятившего себя работе со словом, выбор занятий обычно невелик: переписывание, переводы да сочинительство. Разумеется, у Аль-Хайтама не было ни малейшего желания изливать душу на бумаге, да и корпеть целыми днями над чужими рукописями он не планировал. Так что оставалось одно — переводы.

Он обошёл окрестности, предлагая свои услуги по весьма скромным расценкам, и не прошло и четырёх часов, как он вернулся, неся под мышкой стопку иноязычных текстов, ждавших перевода.

Как именно ему удалось договориться с заказчиками, история умалчивает.

Вернувшись, он застал мадемуазель Полину в разгаре жаркого спора.

— Вам не следовало вмешиваться, сударыня. Это, в конце концов, наше дело, — мужчина, сидевший напротив Полины, окинул её крайне неприятным, оценивающим взглядом. — Или ваши чувства к этому автору столь глубоки, что вы готовы лишиться благоразумия?

— Ах, полноте! Вы, верно, пересмотрели театральные пьес, раз полагаете, будто дружеское участие непременно должно быть сродни любовной лихорадке, — Полина рассмеялась — дерзко, почти издевательски, словно услышала несусветную глупость. — Я знаю лишь то, что большая часть нынешней писанины — вздор и безвкусица. И ещё я знаю своего друга: он человек упрямый, старой закалки. Если уж берётся за дело, то изведёт себя, измучит ночными бдениями, но доведёт работу до совершенства. Взгляните на рукопись, что у вас в руках! Четыре редакции! Он переписывал её четырежды и прислал мне, уповав на мой выбор. И вы хотите, чтобы я предала его доверие?

Смех её оборвался так же внезапно, как и начался. Улыбка застыла на губах, но во взгляде, устремлённом на собеседника, появилось нечто торжественное и суровое, будто она смотрела на закоренелого грешника, нуждающегося в немедленном очищении.

— Полноте, вы сами-то хоть страницу прочли? Или решили с порога отвергнуть рукопись лишь потому, что её принесла знатная дама, которая, по вашему разумению, способна увлекаться лишь пустяками? Если так, мне придётся во всеуслышание заявить о вашей предвзятости. Книга, в которой есть живая мысль, всегда будет выше той слащавой мишуры, которой завалены лавки. Вот увидите: едва эта повесть выйдет в свет, думающий читатель пробудится. Люди начнут критиковать пустые, бессодержательные романы, начнут задаваться важными вопросами — вслед за нами. И поверьте, одной книгой всё не ограничится... Мой друг наконец-то обрёл своё истинное призвание.

Ей собеседник, не найдя что возразить на эту гневную тираду, лишь раздосадованно взмахнул полами сюртука и поспешно ретировался, кипя от злости.

— Ах, эти господа... Вечно они воображают, будто всё, что я приношу, не стоит выеденного яйца, — вздохнула Полина, провожая его взглядом. — Попробуются отмахнуться, даже не взглянув на текст. Но стоит прижать их к стене, как тут же теряют дар речи.

Подобные сцены её давно не удивляли.

— Впрочем, и вам спасибо, — обратилась она к Аль-Хайтаму. — Этот господин ушёл во многом потому, что устыдился посторонних глаз. До последнего пытался сохранить остатки своего хвалёного достоинства... С виду такой лощёный, а в голове — ни одной стоящей мысли.

Она прекрасно понимала, что нажила себе очередного врага в лице этого злопамятного издателя, но её это нисколько не заботило.

Куда больше её беспокоила стопка писем с отказами, скопившаяся на столе. Одни издатели возвращали рукопись, сетуя на то, что она не отвечает капризам светской моды на сентиментальные любовные романы, другие же — и это возмущало её сильнее всего — присылали её обратно нераспечатанной.

Полина предвидела подобные трудности, но приятного в этом было мало.

— И всё же... мне нужно издать её. Во что бы то ни стало, — пробормотала она.

Она протянула увесистую пачку листов, озаглавленную повесть «Дневник лишнего человека», Аль-Хайтаму, безмолвно предлагая ему ознакомиться с содержанием.

— Мне эта вещь бесконечно дорога, но свет может принять её прохладно. Даже если нас ждёт неудача, я обязана узнать мнение думающих людей.

Положа руку на сердце, Аль-Хайтам нашёл повесть весьма недурной. Однако, будучи прагматиком, он понимал: без громкого имени автора публика вряд ли обратит внимание на новичка. Книга с первых страниц требовала от читателя умственного напряжения, что существенно усложняло её продвижение в сравнении с дешёвым бульварным чтением.

— Если позволите, — негромко произнёс он, возвращая листы, — вам нужен броский повод. Нечто такое, что заставит людей говорить о книге ещё до того, как они её откроют.

Заметив неподдельный интерес в глазах Полины, он продолжил:

— Дайте повести вызывающее, кричащее описание. Разошлите экземпляры владельцам модных кофеен, книжных лавок и газетных киосков. Уговорите их выставить её на самые видные места. Описания должны быть дерзкими, провокационными, чтобы у обывателя так и чесались руки возразить. Назовите её, к примеру, «Величайшим русским творением уходящего века» или объявите, что «Всякий, кто не читал сего труда, не может именоваться человеком».

образованным». Это уязвит гордость завсегдатаев литературных салонов. Из чистого упрямства они купят её, дабы разнести в пух и прах. А в конце книги оставьте ваш адрес — пусть шлют гневные письма. Разумеется, если повесть действительно хороша, со временем брань сменится искренним восхищением.

Полина на мгновение лишилась дара речи, обдумывая его слова, но затем на её лице расплылась довольная улыбка. Идея была превосходной.

К критике и нападкам ей было не привыкать — с тех пор как она начала вести дела самостоятельно, за её спиной постоянно шептались. Договориться же с владельцами лавок и кофейных заведений тоже не составило бы труда: у неё имелись полезные связи в нужных кругах.

— Послушайте, а вы не желаете поработать на меня? — Полина с размаху ударила ладонью по столу, заставив чашки звякнуть. Глаза её лихорадочно блестели. — Я открою собственное издательство!

Михаил Булгаков презирал лакейский труд. Он происходил из интеллигентной, уважаемой семьи и ни за что не уехал бы в Москву, не опасайся он, что поселившийся подле него бес навлечёт беду на его близких. В глубине души молодой человек лелеял смутные надежды: мечтал писать пьесы, выступать с театральной критикой... Увы, столичная публика не жаловала безвестных провинциалов.

В конце концов настал день, когда в его карманах не осталось ни гроша. Шмыгая носом и безропотно снося едкие насмешки своего незваного спутника, Булгаков был вынужден усмирить гордыню и отправиться на поиски хоть какого-то пропитания. Но Москва кишела голодными соискателями, готовыми ухватиться за любую соломинку. Даже опустив планку притязаний до предела, он повсюду натывался на отказы.

Шмыгая носом на обледенелой скамье, Михаил уныло размышлял о том, какая смерть настигнет его первой — от холода или от голода. Оставшихся медяков, бездумно растраченных в первые же дни, едва ли хватило бы на покупку одной захудалой картофелины, да и той — размером с воробьиное яйцо.

— Какое жалкое, ничтожное зрелище, — раздался вкрадчивый голос над самым его ухом. — И почему ты упорно смотришь в землю, любезнейший?

Господин В. — тот самый бес, что непрестанно изводил его своими монологами, — с ухмылкой ухватил Булгакова за тулью потрёпанной шляпы и бесцеремонно заставил поднять голову.

— Гляди же! До чего ты глуп, дружок. Табличка с объявлением о найме висит у тебя перед носом, а ты умудрился её не заметить.

Действительно, всего в нескольких шагах от скамьи красовалась свежевыкрашенная вывеска, зазывающая работников.

Господин В. изо дня в день твердил, что его подопечный непроходимо глуп и неуклюж, и сегодня Булгаков впервые был склонен с ним согласиться. Поднявшись на подкашивающихся ногах, он двинулся к крыльцу. На каждом шагу с его пальто хлопьями осыпался налипший снег, отчего юноша походил на линяющего зверя.

Раздался негромкий звон колокольчика.

Булгаков замер у двери, продолжая дрожать от холода. Когда замок наконец щёлкнул и дверь отворилась, он обомлел, встретившись взглядом с хозяином дома.

— Ах... здравствуйте. Я по объявлению... насчёт работы, — запинаясь, пробормотал он.

Его замешательство было вполне объяснимо: на пороге стоял тот самый немногословный иностранец, который ещё пару дней назад привлёк пристальное внимание самого господина В. Булгаков изумился, но страх перед неизвестностью отступил — в чужом, холодном городе было отрадно встретить хоть одно знакомое лицо.

— Проходите, — бесстрастно отозвался Аль-Хайтам.

Аль-Хайтам смутно припоминал обстоятельства дела. Получив отказы во всех приличных типографиях, мадемуазель Полина решила взять всё в свои руки и издать повесть своего друга Серёжи самостоятельно. Последние дни она, позабыв о покое, с головой ушла в хлопоты по устройству дела.

Она даже умудрилась вовлечь в это самого Аль-Хайтама, поручив ему присматривать за конторой. Работа была ненавязчивой — новое издательство существовало пока лишь на бумаге, и ни один соискатель до сего дня сюда не заглядывал.

— Скажите... а что именно будет входить в мои обязанности? — нерешительно спросил Булгаков, согревая озябшие пальцы о чашку с горячей водой, которую ему любезно предложили.

Аль-Хайтам мысленно воскресил в памяти путанные требования Полины к кандидатам и, недолго думая, протянул юноше увесистую рукопись повести «Дневник лишнего человека».

— Начните с отзыва. Прочтите и изложите свои мысли на бумаге.

Булгаков растерянно принял стопку листов, не зная, радоваться ему или недоумевать. Прежде ему не доводилось сталкиваться с подобным приёмом: наниматели обычно требовали рекомендаций и опыта, но никак не критических разборов.

Так или иначе, ухватившись за этот шанс, Михаил углубился в чтение. Несколько часов спустя он с величайшим усердием накатал подробнейший отзыв едва ли не на три аршина в длину, за что и был незамедлительно принят на службу. Должность его предполагала участие во всех делах конторы разом, создавая странное ощущение одновременно ленивого безделья и суматошного труда.

Господин В. не преминул вставить своё веское слово — то ли сетуя на несправедливость, то ли просто забавляясь. Голос его так и сочился притворной издёвкой.

— Любезнейший, вам следовало бы положить жалованье и мне. Поглядите на этого олуха: он же шагу ступить не может без суеты. Мне то и дело приходится подставлять ему плечо.

С этими словами бес принялся аккуратно взгромождать на шляпу Булгакова всякий канцелярский хлам, скопившийся на столе, выстраивая подобие шаткой египетской пирамиды и ничуть не заботясь о том, каково несчастному удерживать это равновесие. И хотя господин В. порой подбрасывал дельные мысли в моменты творческого тупика писателя, хлопот и неразберихи от него исходило куда больше.

— С этим вопросом вам надлежит обратиться к хозяйке, — ровным тоном парировал Аль-Хайтам.

Когда вернувшаяся наконец мадемуазель Полина поинтересовалась, что за чудак сидит посреди её конторы с горой папок на голове, выяснилось, что этот странный господин — их новый сотрудник.

— Прошу простить великодушно... Подобное... кхм, сосредоточение предметов на темени весьма способствует ясности мысли, — выдавил Булгаков вымученную улыбку.

Ему стоило немалых трудов сохранять невозмутимость под изумлённым взглядом новоиспечённой начальницы. Одновременно он судорожно придерживал верхнюю папку руками, молясь, чтобы господин В. не вздумал водрузить туда ещё и чернильницу.

«Не хватало ещё, чтобы она заприметила эту чертовщину, — с тоской подумал Михаил. — Тогда прощай моя служба!»

Он дорожил этим местом как никогда, помня о тех унижениях и насмешках, которые претерпел от столичных чинуш за последние дни.

— Что ж... У всякого творца свои причуды, — Полина сдержанно кивнула.

Выслушав краткие, но ёмкие пояснения Аль-Хайтама, она пришла к выводу, что для начинающего дела этот юноша — сушая находка, а потому решила закрыть глаза на его эксцентричные повадки.

— Какая жалость, что хозяйка не способна оценить ваше незримое присутствие, — без тени сочувствия в голосе произнёс Аль-Хайтам, обращаясь к господину В.

Он давно смекнул, что церемониться с этим господином не стоит: прояви к нему хоть каплю учтивости — и тотчас станешь мишенью для его изощрённых издёвок. По степени несносности господин В. в глазах Аль-Хайтама вполне мог соперничать со взбалмошным Сатору Годзё, вечно сеющим хаос вокруг себя.

— Полноте, дражайший, вы смотрите на меня так, словно перед вамидохлая рыба, — притворно вздохнул бес.

— Вам показалось. Мой взор обращён лишь на ходячий компендиум бесполезных сведений.

— О, я не в обиде! Но если вам вдруг наскучит покой и захочется поразвлечься — почтеннейше прошу, отыграйтесь сначала на нём, — господин В. шутовским жестом указал на несчастного Булгакова, и в голосе его прозвучало искреннее, неподдельное злорадство.

<http://bllate.org/book/18256/1755701>